

Отсутствующее, но подразумеваемое

Майкл Уайт

Материал, представленный на конференции по нарративной терапии и работе с сообществами в Аделаиде в феврале 1999 года.

Перевод Дарьи Кутузовой

Многие приемы и техники нарративной терапии помогают людям восстановить связь со своей историей. Это не рефрейминг, который заменяет ориентацию «стакан полупустой» в восприятии событий и переживаний жизни человека на ориентацию «стакан наполовину полный». Это также не переписывание истории, которое полностью представляет собой иной рассказ о прошлом, замещающий и отменяющий изначальное повествование. Бывает так, что практики рефрейминга могут способствовать конструированию новых обобщающих описаний в истории человека, то есть негативные обобщения заменяются на позитивные обобщения; это, фактически, неизбежно является результатом практики переписывания истории, «заново-выдумывания» истории. Таким образом, практика рефрейминга и практика заново-выдумывания истории создает угрозу того, что жизненная история человека и его идентичность станут моноисторийными.

Вместо того чтобы воспроизводить практику, заменяющую одно обобщение на другое, и заново выдумывать историю прошлого в жизни человека, приемы нарративной терапии, способствующие восстановлению связи с историей, выводят на первый план полиисторийные переживания жизни и идентичности. Эти приемы не только способствуют расширению нарративных ресурсов, доступных человеку, но также делают для людей возможным изменить и пересмотреть свои взаимоотношения с прошлым – не для того, чтобы подвергнуть его рефреймингу, не для того, чтобы вообще все стереть и придумать заново, но для того, чтобы на новых основаниях выстроить отношения с событиями прошлого.

Терапевты могут следовать различными путями, присоединяясь к людям, занимающимся пересмотром своей истории. Один из путей подобного восстановления связи с прошлым - выявление и насыщенное описание того, что отсутствует, но подразумевается во всех выражениях жизни, - чего бы то ни было, что позволяет людям осмысливать различные аспекты своего жизненного опыта. Понятие «отсутствующего, но подразумеваемого» основывается на представлении, что все выражения и тот смысл, который выражения пытаются передать, не извлекаются непосредственно из опыта переживания того явления, на которое ссылается выражение. Рассказы о жизни, придающие облик выражениям опыта, не представляют собой однозначного соответствия тем качествам, которые присутствуют в чем бы то ни было, описываемом в этих рассказах. То, как люди выражают свои жизненные переживания, не «ухватывает» внешний мир как он есть, каким бы этот мир ни был.

Вместо этого выражения жизни можно понять как феномен, который создается в результате разглядывания, раздумывания, различения объектов, событий, явлений и приписывания им смысла в отношении к смыслам и описаниям других объектов и т.п. - или в противопоставлении с ними. Соответственно, в любых описаниях есть определенная двойственность. Описания реляционны, относительны, не репрезентациональны, они не напрямую воспроизводят события мира, каковы бы эти события ни были. Согласно подобному реляционному пониманию любых описаний, некое однозначное описание может рассматриваться в качестве видимой части описания двойного, описания «с обеих

сторон». Именно то, что находится на другой стороне однозначных описаний жизненных переживаний, то, что находится на другой стороне различаемого, то, от чего различие зависит – именно это я здесь называю «отсутствующим, но подразумеваемым». Я нахожу поддержку подобного понимания природы описаний в идеях Грегори Бейтсона (Bateson, 1980) и Жака Деррида (Derrida, 1978), которые бросили вызов мифу присутствия, то есть идеального и ничем не опосредованного знания мира, изначального присутствия, проявляющегося во всех выражениях жизни, репрезентируемого в описаниях нашей речи и на письме.

Например, Деррида разработал деконструктивный метод чтения текстов, выводящий на первый план отсутствующие знаки или описания, на которые опирается текст, чтобы сформулировать свои смыслы. Допущение данной формы анализа текста состоит в том, что в каждом термине описания содержится как он сам, так и его противоположность, или его *иное*, и что взаимоотношение между этими терминами может быть выявлено посредством тщательного чтения текста. Отсылая здесь к идеям Деррида, я не утверждаю, что жизнь есть всего лишь текст. Я предполагаю, что тщательное слушание используемых выражений может дать нам возможность вести с людьми беседы, способствующие выявлению взаимоотношений между тем, что они различают в этих выражениях, и отсутствующими, но подразумеваемыми описаниями, без которых они не смогли бы прийти к этим различиям.

Может быть полезным допустить, что многие из различий, которые люди делают о состоянии их собственной жизни, многие из различий, которыми они делятся с терапевтами, подразумевают что-то невысказанное, то есть зависят от того, что отсутствует, но подразумевается в описаниях. Опираясь на это допущение, терапевты могут задавать вопросы, способствующие выявлению отсутствующего, но подразумеваемого, и его дальнейшему насыщенному описанию. Позвольте мне привести пример. Давайте предположим, что человек обращается ко мне по поводу отчаяния. Вначале я хочу как можно лучше понять их опыт этого отчаяния, как оно переживается и каким образом оно проявляется в их жизни. Я также хочу как можно лучше понять контексты этого отчаяния, которые могут, в частности, включать социально-экономические условия и взаимоотношения власти в местной культуре. Эти контексты могут в дальнейшем быть выведены на первый план и рассмотрены разными способами.

Но мне также будет очень интересно, о чем говорит это отчаяние; к чему оно обращено; чему оно является свидетельством в терминах отсутствующего, но подразумеваемого; как человек научился называть и представлять свой опыт подобным образом; какие обстоятельства или условия сделали возможным для человека отличить отчаяние от чего-то еще. Этот интерес к тому, к чему обращено отчаяние в терминах отсутствующего, но подразумеваемого, не является уходом от текущего разговора. Мы уводим разговор от выражения опыта отчаяния. Очень важно, чтобы в терапевтических беседах создавалось пространство, в котором люди могут выразить свой опыт отчаяния. Скорее, этот интерес к отсутствующему, но подразумеваемому возникает в ответ на особенности выражения отчаяния человеком; в этих выражениях могут быть прослежены следы множества невысказанных знаков или описаний, которые способствовали возможности отличия отчаяния.

Как интерес к отсутствующему, но подразумеваемому проявляется в отклике на то, как человек выражает свое отчаяние? Когда человек говорит об отчаянии, он может сказать: «Мне кажется, я больше уже не могу...», или «Я дошел до точки, где я просто уже сдаюсь...», или «Я больше не вижу для себя никакого будущего». Отсутствующее, но

подразумеваемое в различии отчаяния может быть выявлено посредством следующих вопросов:

- Вы сказали, что больше не можете дальше двигаться. Ничего, если я задам вам несколько вопросов о том, что вы продолжали мочь и куда вы двигались дальше до сего момента? На что вы полагались, что вас поддерживало?
- Вы сказали, что вы сдаетесь. Можно, я вас спрошу, от чего вы отказываетесь? С чем вы сейчас теряете контакт, что для вас было раньше важно?
- Вы сказали, что больше не можете для себя видеть никакого будущего. Можно, я вас спрошу о том, какие возможности для будущего вы видели раньше, и каким образом до определенного момента это вас поддерживало? Что позволяло вам до недавнего времени удерживать в фокусе внимания это будущее?

То отсутствующее, но подразумеваемое, которое выводят на первый план эти вопросы, может включать надежды, что в жизни все может быть иначе, обещания того, что все будет лучше, мечты о большей полноте жизни, ожидание, предвкушение достижения определенной цели в жизни, видение новых возможностей, желание быть где-то еще, на других территориях жизни, и т.д. Когда эти описания выявлены, они могут быть насыщенно описаны. Насыщенное описание достигается в беседах, которые прослеживают историю, траекторию того, что отсутствовало, но подразумевалось в выражениях отчаяния; в исследованиях истории возникновения и развития отношений людей с тем, что раньше подразумевалось, но отсутствовало в речи. В этих беседах могут фигурировать такие вопросы:

- Каким образом вам удалось так долго придерживаться этой надежды, несмотря на все, что вам довелось пережить, что отбивало у вас способность надеяться? Какие возможности эта надежда открывала в вашей жизни, которые иначе вы не могли бы себе представить?

Можно также задавать вопросы, которые побуждают людей выявить и определить те умения и знания, которые помогают им поддерживать взаимоотношения с надеждой или с чем бы то ни было, что было отсутствующим, но подразумеваемым: «Из того, что вы мне сказали, я понимаю, что были случаи, когда вы практически лишились этой надежды. Вы можете вспомнить, какие шаги вы предприняли, чтобы ее вернуть себе? У вас есть представление о том, что именно поддерживало вас в совершении этих шагов? Есть ли у вас какие-то представления о том, какие знания и умения поддерживали вас, когда вы предпринимали эти шаги?»

Вместо того, чтобы составлять натуралистический рассказ о том, что отсутствовало, но подразумевалось в выражениях людей, т.е. сводить это к представлениям о «человеческой природе» и неотъемлемо присущих ей особенностях, в рамках нарративных бесед мы способствуем насыщенному описанию посредством расспрашивания, выявляющего значимые исторические обстоятельства, которые создали контекст для различия в выражениях людей. Например, в случае прежде не указанного сообщения о надежде, которая способствовала различию отчаяния, можно ввести эту форму расспрашивания посредством таких вопросов как:

- Насколько я понимаю, вы не просто смирились со своей участью в жизни. Могу я задать вам несколько вопросов о том, как вы познакомились с надеждой, что когда-то, в будущем, жизнь может быть для вас иной?
- Может быть, я могу задать вопросы о том, что позволило вам войти в контакт с тем, что ваша участь в жизни – не единственное, что в жизни может быть?

Исторические условия, создающие контекст для подобного различия, разнообразны и многочисленны. У человека мог быть личный, непосредственный опыт того, что жить можно и по-другому; может быть, человек испытал определенное признание и принятие со стороны значимого другого, заявлявшего, что тот, о ком у нас идет речь, заслуживает лучшей жизни (подобным признающим персонажем может быть сверстник, брат, сестра, родитель или какой-то другой родственник, может быть учитель, может быть продавец в магазине и т.д.) Или у человека может быть опыт, полученный опосредованно, через других людей, например, в процессе чтения книги или наблюдения за жизнью друзей и семьи. Когда исторические условия выявлены, их становится возможно воспроизвести. Например, значимые фигуры из прошлого человека, которые обеспечили основу для различия, могут быть вновь приглашены к участию – физически, если мы их приглашаем так или иначе присоединиться к нашим терапевтическим беседам; или в нематериальной форме, когда мы вызываем их дух, присутствие, хотим услышать голос этих персонажей; или терапевт может присоединиться к людям, вместе с ними читая или обсуждая те романы, истории, литературные произведения, которые обеспечили основу для различия, и т.д.

Вызов «натуралистическим» представлениям об идентичности

В подобных беседах то, что не было открыто высказано в выражениях людей, не включается естественным путем в «натуралистические» представления о жизни и идентичности (так, как это было бы включено в рамках бесед, складывающихся под воздействием гуманистического дискурса). Например, мы не конструируем отсутствующее, но подразумеваемое как проявление некоей неподавляемой жизнестойкой «человеческой природы» или как выражение некоего «сущностного я», которое, якобы, находится в центре личности. Другими словами, не только те различия, которые люди делают в начале терапевтических бесед, не конструируются как нечто сущностное, но и то, что отсутствует, но подразумевается в этих различиях, тоже не конструируется подобным образом. Я считаю, что гуманистические интерпретации жизни и идентичности могут заводить терапевтическую беседу в тупик, потому что они могут затенять и застигать значимые знания и умения жизни, порожденные в личной истории человека; также эти гуманистические интерпретации не дают увидеть значимые исторические обстоятельства, которые создали контекст, чтобы люди смогли прийти к тем или иным различиям. Соответственно, обращение к таким сущностным характеристикам как личностные черты или свойства для того, чтобы объяснить то, что раньше отсутствовало, но подразумевалось, зачастую конструирует относительно бедные, скудные заключения о жизни человека и закрывает возможности дополнительного расспрашивания в терапевтических беседах, расспрашивания, остраивающего привычное.

Важно отметить, что отказ вовлекаться в беседы, способствующие «натуралистическому» представлению об отсутствующем, но подразумеваемом в том, как люди описывают свой опыт, отказ интерпретировать отсутствующее, но подразумеваемое как проявления некоей сущности, личностной черты или характеристики, - это не позиция, неуважительная по отношению к предпочитаемым заключениям об идентичности людей (человек может очень многое вкладывать во фразу: «Я считаю, что эта надежда является выражением моей жизнестойкости»). В контексте нарративных терапевтических бесед подобные заключения об идентичности отмечаются и празднуются, но они также распаковываются, чтобы в результате стать гораздо более значимыми. Подобные «натуралистические» заключения об идентичности понимаются в качестве эмблем, символов определенных модусов жизни и мышления, связанных с определенным набором умений и жизненных знаний, сформированных в ходе жизни человека в соответствии с определенными целями и намерениями, у которых тоже есть

своя история, и в соответствии с определенными темами и добровольно взятыми на себя обязательствами и приверженностями, в пространстве которых жизнь этого человека соприкасается с жизнями других людей. Беседы, распаковывающие подобные заключения о существенных качествах, способствуют насыщенному описанию жизни и идентичности и новым возможностям для действия в мире, которые иначе не были бы людям доступны.

Слушание «с обеих сторон» и беседы, направленные на полиисторийность

Вовлеченность в этот интерес к отсутствующему, но подразумеваемому и подкрепляет необходимость «слушания с обеих сторон» со стороны терапевта. Именно в контексте этого слушания «с обеих сторон» люди чувствуют себя услышанными во всей сложности того, что они говорят. Именно в этом контексте обнаруживают, что существует пространство, где они могут выразить все что угодно, что их беспокоит, и также именно в этом контексте у них есть возможность исследовать то, что оставалось невысказанным, то есть что бы то ни было, на что указывает это различие. Таким образом, интерес к отсутствующему, но подразумеваемому ведет к тому, что терапевтические беседы становятся беседами «с обеих сторон» или «с множества сторон», направленными на полиисторийность.

Именно в пространстве, создаваемом в контексте «слушания с обеих сторон» и бесед, направленных на полиисторийность, люди зачастую находят новые возможности рассказать о последствиях всего того, что их беспокоит, будь то дисквалификация, травма, притеснения, маргинализация ит.д., и выразить страдание, связанное с этим опытом. Именно в этом пространстве, обеспеченном «слушанием с обеих сторон» и беседами, направленными на полиисторийность, у людей появляется возможность сделать шаг, вступить в альтернативные заключения об идентичности, бросающие вызов негативным представлениям о собственной идентичности, сконструированным в контексте дисквалификации, травмы, подчинения и маргинализации, - чтобы исследовать жизненные знания и умения, связанные с альтернативными заключениями об идентичности. Это – очень важная тема, потому что если беседа у нас ориентирована только на одну историю и складывается под воздействием современного представления о катарсисе как разрядке, всегда существует риск того, что мы будем способствовать ретравматизации и вгонять людей в новые переживания страдания, тем самым подкрепляя негативные заключения об идентичности, которые так часто являются результатом подчиненной позиции по отношению к воздействиям травматическим и дисквалифицирующим. Я убежден, что терапевтические беседы не должны способствовать ретравматизации или вновь вгонять человека в переживание страдания, они не должны укреплять негативные заключения людей о собственной идентичности.

Категории восстановления вовлеченности

Исследованию тех возможностей, которые я здесь описал, для восстановления вовлеченного участия в собственной истории, может способствовать конструирование категорий восстановления вовлеченности. Подобное конструирование может оказаться полезным в качестве руководства для практики. И более того, конструируя подобные категории, мы проводим определенные различия, а они, в свою очередь, становятся основой для проведения дополнительных различий, которые иначе мы бы не смогли сформулировать. Преумножая эти категории восстановления вовлеченности, мы можем расширить диапазон возможностей, доступных в терапевтических беседах. В нижеследующем обсуждении я приведу несколько примеров всего лишь некоторых возможных категорий восстановления вовлеченности.

За пределами представления о бремени

Джули обратилась на консультацию в связи со всеобъемлющим чувством незавершенности и общей неудовлетворенности собственной жизнью. Частью этого переживания было неопределенное, но всеохватывающее чувство, что вообще все несправедливо, и никогда не будет справедливо. Джули боролась с этим чувством всю сознательную жизнь, и сейчас это ее все больше раздражало и беспокоило. Ей не казалось, что у нее есть хоть какое-то оправдание, чтобы чувствовать подобным образом, потому что с какой стороны к ним ни подойди, нынешние обстоятельства ее жизни, по ее собственному мнению, были хорошими.

После того как я попросил Джули более подробно описать эти переживания незавершенности и неудовлетворения, после того как я выяснил немного, как эти чувства влияют на ее жизнь, я попросил ее поделиться со мной тем, как она понимает эти переживания. Джули сказала, что понимает она их совершенно однозначно, и что с этим она, похоже, уже разобралась. В подростковом возрасте Джули испытывала сложности, ей поставили диагноз «невроз», и он считался результатом того, что она была «парентифицированным ребенком» - ребенком в роли родителя. Согласно подобному описанию Джули, в подростковом возрасте она несла некое бремя, которое не только представляло собой существенные лишения, но также привело к остановке ее психологического развития в разных сферах. Джули сказала, что в контексте психотерапии она проработала то, что считалось ее проблемами, причем несколько раз, включая ее неосознаваемую скорбь и горе об утерянном детстве, гнев по отношению к несправедливости лишения ее детства, и ярость в адрес этого бремени в ее жизни. И хотя Джули знала, что, конечно, надо прорабатывать еще, она «была вынуждена признаться, как на исповеди», что её «от всего этого тошнит».

Я спросил Джули, не против ли она будет рассказать мне подробнее о своей жизни, чтобы мне стало более понятно, к чему относилось это понимание... и вот она уже рассказывает мне о своем детстве. С самого начала совместного проживания отношения у ее родителей не ладилась. У них были свои надежды и ожидания, но ни одна из родительских семей не принимала этот брак, и Джули не считала, что ее родители вообще были готовы к той изоляции, в которой они оказались в результате. Из сельской местности в штате Виктория они переехали в Мельбурн, надеясь на то, что им повезет, но им не повезло – они были очень бедными. И вот с такого начала, не особо хорошего, все покатило под гору. Вскоре после рождения младшей сестры Джули ее отец заболел и не мог больше заниматься сезонной работой, на которую семья полагалась, чтобы выжить. Со временем ему поставили диагноз «дегенеративное заболевание», и его, как описала Джули, «списали по инвалидности».

И вот тогда жизнь стала еще хуже. Маме Джули стало сложно справляться с повседневными домашними обязанностями, ее жизнью стала управлять депрессия, и вскоре мама Джули уже практически ничего не могла делать. В ответ на то, что в жизни все вот так разваливается, Джули взяла на себя родительские обязанности по отношению к своей младшей сестре Джейн. Также Джули стала отвечать за поддержание дома в должном порядке, взяла на себя те задачи, которые раньше лежали на плечах ее матери. В течение следующего года или двух Джули практически перестала ходить в школу, и семья постоянно жила под угрозой, что придут социальные службы, отберут детей и поместят их в приемную семью или в детский дом. Когда Джули рассказывала про этот период своей жизни, она вспомнила, что было дело, что школьная администрация однажды не заметила, что Джули пять месяцев не ходила в школу, и за это время никакие социальные службы не приходили и ни о чем не спрашивали. Это был один из самых счастливых

периодов ее детства, который она может припомнить. Когда Джули рассказывала об этом, она сказала, что по сей день не знает, откуда ее мама набралась моральных сил, чтобы противостоять в тот период социальным службам.

Когда Джули было 14 лет, ее отец умер в доме инвалидов, но это событие уже практически ни на что не влияло. В последние годы жизни он вообще не был похож на себя, даже родственники его не узнавали. Джули «выстояла во всем этом как стойкий оловянный солдатик, подрабатывая там и сям, чтобы у семьи было больше денег, чем просто пенсия по потере кормильца». Каким-то загадочным образом ей удалось окончить школу и проследить, чтобы сестра тоже школу не бросила.

Со временем мама Джули более-менее взяла себя в руки. Чувствовала она себя плохо, но, по крайней мере, могла о себе заботиться. Джулии была уже в юношеском возрасте и «выдвинулась по своей дороге», и в течение некоторого времени ее отношения с матерью были из-за этого достаточно напряженными. К тому времени, когда Джули исполнилось примерно 25 лет, их отношения улучшились, но все-таки какое-то напряжение оставалось до самой смерти матери Джули. Это произошло, когда Джули было 37.

И сейчас Джули рассказывала мне о тех неблагоприятных обстоятельствах, в которых она в результате находит себя вследствие всех этих биографических событий. У Джули была масса вопросов: «Как она вообще может справиться с бременем, которое она несла? Сможет ли она вернуть себе то, что потеряла, чего лишилась в жизни, что у нее было забрано? Неужели она была обречена на это ощущение неполноты, незавершенности и беспокойства, бывшие результатом этого бремени? Будет ли она всю жизнь чувствовать, что жизнь так несправедлива? Можно ли это как-то решить?» Джули боялась, что ее будущее превратится в одну парализующую жалобу.

В этом выражении своей тяжелой ситуации Джули смогла различить лишения, утрату, нищету, незавершенность, бремя и несправедливость. Любое из этих различий может быть далее исследовано, чтобы определить, что именно в нем отсутствует, но подразумевается. Моё любопытство больше всего привлекло то, как Джули выразила несправедливость, потому что в начале нашей беседы она очень подчеркивала, что жизнь ее «вообще несправедлива». Я попросил Джули рассказать побольше об этой несправедливости, и в ответ она рассказала мне об ощущении, что несмотря ни на что, что бы она ни делала, ее не признают, ее не ценят. Я поразмыслил над тем, что услышал, и спросил Джули, правильно ли я понимаю, что у нее есть желание быть признанной. Джули тут же подтвердила это, заявив, что у нее есть тоска по признанию. Теперь мы смогли обозначить отсутствующее, но подразумеваемое в том, как Джули различает, что жизнь вообще несправедлива, как «тоску по признанию»

Вместо того чтобы начать «натуралистическим» образом объяснять эту тоску, интерпретировать ее как проявление «человеческой природы», я задал несколько вопросов, которые побудили Джули насыщенно описать эту тоску, проследить историю тоски в своей жизни. Мне было любопытно, что Джули никогда на самом деле не бросила этот поиск признания, несмотря на то, что он способствовал существенному недовольству и досаде в ее жизни. Каким образом она сохранила свою связь с этой тоской по признанию? Мне также хотелось понять, каким образом в обстоятельствах ее жизненной истории она смогла выявить признание как некий ценный опыт. Я спросил Джули, может ли она вспомнить какие-то эпизоды в своей жизни, переживания, которые дали ей возможность познакомиться с признанием, которые подтверждали бы, что признание – это

желательный опыт. Вскоре Джули рассказала мне несколько довольно скудно описанных историй о том, как ее сестра и мать признавали вклад Джули в их жизнь.

Поисследовав эти истории, я попросил у Джули разрешения расспросить ее об умениях родительства, об умениях заботы о других людях, проявившихся в этих историях, об умениях любви, признания, внимательности, утешения, щедрости, навыков создания среды для понимания в условиях обесценивания, создания среды принятия, обеспечивающего противоядие против переживаний маргинализации, отвержения и т.д. «В конце концов, - сказал я, - ты ведь очень долго была родителем для других, и, похоже, что именно это помогло твоей сестре и матери справиться с тем, с чем они иначе, возможно, и не справились бы»

Было такое впечатление, что мой комментарий поразил Джули, очень сильно ее удивил: «Нет, ты в самом деле?» - воскликнула она. На это я ответил: «Ну, вот на этот вопрос никогда я не мог точно ответить – в самом ли я деле, и другие люди тоже не знают, в самом я деле или нет. Мне этот вопрос уже задавали раньше, но не так изящно, как это сделала ты. Возможно, вот это изящество – это еще один из навыков родительства, к которым я апеллировал, и я тебе очень благодарен именно за это именно сейчас». Джули сидела и ухмылялась. Тут же она стала рассказывать мне замечательные истории, в которых отражалась насыщенная традиция знания и умения, связанная с родительством; Джули рассказывала, что она делала, чтобы эти умения развивались. Эти умения и знания были не только насыщено описаны в этой беседе, но некоторые из вопросов, которые я задавал, привели к очень насыщенному, могущественному признанию крайне важного вклада этих умений и знаний в жизнь Джули, ее сестры, ее отца. Эти знания и умения помогли им справиться с теми обстоятельствами, в которых они оказались; и даже более того, эти знания и умения способствовали тем шагам, которые мать Джули предприняла, чтобы вернуть себе свою жизнь и направить ее в том направлении, в каком ей хотелось.

Во время этого разговора Джули как будто кто-то включил, как лампочку. У меня было ощущение, что, заново вовлекаясь в историю своего прошлого, она уже вступила на иную территорию собственной жизни. Где же она была, что она переживала? Джули сказала, что она испытывает радость – такую, когда предвкушаешь посещение какого-то важного-важного, замечательного праздника. «Но вот это вот – очень интересная идея, - сказал я - потому что у меня возникла одна мысль, и эта твоя идея моей мысли очень хорошо соответствует. Ведь мы же можем собраться вместе с людьми, у которых есть инсайдерское знание того опыта жизни, о котором ты рассказываешь. Эти люди – это тоже уже взрослые, бывшие «парентифицированные дети», такие же, как ты, и они тоже любят праздники» Я рассказал ей, как я представляю себе возможное сборище с другими людьми, которых тоже считали «парентифицированными детьми», и Джули очень-очень захотела попробовать. Я позвонил Теду, 33 лет, Джоанне, 42 лет, и Ширли, 67 лет. У всех у них был существенный опыт родительства, когда они были детьми, и все они когда-то обращались ко мне на консультацию. Они в свое время, подобно многим другим, согласились, чтобы их имена и координаты были включены в мой реестр бывших парентифицированных детей, чтобы они могли внести вклад и сыграть определенную роль в работе с другими людьми, обратившимися ко мне по поводу сходных проблем. Я рассказал им те подробности истории Джули, которые она мне разрешила им рассказывать, и мы обсудили нашу будущую встречу. Джоанна, Тед и Ширли, не колеблясь, приняли приглашение присоединиться к этому мероприятию, и после некоторого количества переговоров мы договорились о времени, которое было бы нам всем удобно. Эта встреча состоялась, и прошла в соответствии со структурой церемонии признания самоопределения (см. White, 1999). В присутствии Джоанны, Теда и Ширли я

расспросил Джули о ее карьере родителя, о конкретике ее родительских знаний и умений и о том, какие возможности ей открыло это в мире. После этого я попросил Джули отсест в сторонку и предложил Теде, Джоанне и Ширли пересказать мне, что они услышали. Этот пересказ был отчасти структурирован моими вопросами:

- Когда вы слушали историю Джули, что больше всего привлекло ваше внимание, запустило работу вашего воображения? Что вас затронуло?
- Какие у вас возникли образы в ответ на слова и выражения Джули? Что в вашем личном опыте откликнулось на то, что говорила Джули? Что вы узнали о тех знаниях и умениях, которые Джули создала и освоила?
- Каким образом слова и выражения Джули затрагивают вас? Какой отклик они вызывают в вашей жизни?
- Какие возможности они вам открывают? Как ее слова влияют на вас, и т.д.

В пересказах Ширли, Теда и Джоанны истории жизни Джули были связаны с историями их жизней вокруг значимых тем, целей, смыслов и добровольно взятых на себя обязательств.

Я также задал этой троице другие вопросы:

- Как вам кажется, что могло бы произойти, если бы социальные службы признали умения и знания Джули, связанные с родительством, и нашли бы способ ее в этом поддержать?
- Как вам кажется, что могло бы измениться, если бы администрация не только признала и поддержала Джули в ее родительском отношении к ее сестре, матери и отцу, но также организовала для нее отпуск или выходные от этих обязательств хотя бы иногда, чтобы она могла «уходить с вахты»?

После этого я пригласил Джули рассказать о том, что она услышала в этих пересказах Джоанны, Теда и Ширли. В этот момент у меня была возможность задать несколько вопросов:

- Не расскажешь ли ты нам о том, что привлекло твое внимание в ответах Ширли, Теда и Джоанны? Как тебе кажется, почему именно эти моменты в их пересказах привлекли тебя больше всего?
- Может быть, в связи с этими аспектами у тебя возникло какое-то новое понимание? Может быть, у тебя возникли какие-то образы твоей жизни, того, кем ты являешься, твоего места в мире? Если да, то не могла бы ты описать эти образы?
- С чем эти образы связаны в контексте истории твоей жизни? Может быть, они высвечивают какие-то конкретные воспоминания? Есть ли что-то в твоей жизни, что ты теперь ценишь больше, чем раньше, если бы ты не слышала этих пересказов?
- Каково тебе было слушать рассказы Ширли, Теда и Джоанны о том, как твоя история затронула их жизнь? и т.д.

В результате этих рассказов и пересказов для Джули произошло что-то очень важное, что-то «щелкнуло». Что-то «в первый раз сошлось воедино». Вот это всепроникающее чувство незавершенности «развевалось, как дым». Джули больше не чувствовала бремени, которое давило на нее так долго. Она испытывала радость и облегчение в новоприобретенном ощущении, что ее жизнь «не будет прожита как одна парализующая жалоба». Пустота «ушла». На трех последующих встречах у Джули была

возможность более полно принять те знания о жизни и жизненные умения, которые она разработала и освоила, будучи ребенком в своем семейном контексте. Также она исследовала некоторые возможности, которые ей это уже открыло в жизни и может открыть в будущем. Она пережила реальность этих знаний и умений и больше не обесценивала ту роль, которую она играла в детстве, всего лишь как статус «парентифицированного ребенка». Теперь для Джули в том, чтобы быть «парентифицированным ребенком» были и минусы, и плюсы, и «подводя баланс», она решила, что она не хочет избавляться от того, что этот статус привнес в ее жизнь.

Когда Джули почувствовала, что готова, она пригласила свою сестру прийти на наши встречи и способствовать дальнейшим пересказам этих повествований, но это – уже совсем другая история.

За пределами отвержения

Линдон обратился ко мне в связи с тем, что он называл своей «неадекватностью». Он сказал, что эта личностная неадекватность «доставала» его существенную часть его жизни, несмотря на многочисленные попытки с этим справиться. Он долго и упорно думал об этом, и даже время от времени пытался говорить об этом с другими людьми. Насколько он понимал, это чувство личностной неадекватности было результатом того, что отец отвергал его, когда Линдон был ребенком и подростком. Это отвержение в основном выражалось в том, что Линдон воспринимал как отсутствие интереса. Отец Линдона практически не присутствовал в жизни сына, и как бы тот ни старался, а он очень, очень старался (судя по историям, которые Линдон мне рассказал, у меня возникло ощущение, это было просто выдающееся старание) – Линдону все-таки никогда не удавалось удовлетворить своего отца или чем-то его порадовать. В начале нашей беседы мы исследовали то, как Линдон воспринимает последствия этого отвержения в своей жизни. Именно в этот момент я попросил Линдона поразмыслить о том, что он говорил о своей неадекватности. Что за свет наша беседа проливает на понимание этой неадекватности? В ответ на этот вопрос он переинтерпретировал неадекватность как переживание отсутствия, довлеющее надо всем чувство отсутствия чего-то важного в его жизни.

Линдон различил неадекватность, отвержение, отсутствие интереса и отсутствие чего-то важного. Любое из этих различий могло бы быть основой для исследования, позволяющего потенциально идентифицировать отсутствующее, но подразумеваемое. Мне было очень любопытно, каким образом Линдону удалось так четко различить отвержение, и почему он не смирился с тем, что отец его, судя по всему, отвергал. Почему он не принял как данность отсутствие присутствия своего отца в своей жизни? Почему он так остро переживает это отсутствие? Подобные вопросы основываются на отказе от натуралистического описания подобных явлений. Следуя этой позиции, я смог отвернуться от восприятия этого переживания отвержения или отсутствия чего-то как от некоего ожидаемого переживания, как от выражения факта, что потребности Линдона не удовлетворялись, или от представления, что это совершенно естественно для человека – чувствовать подобным образом. Если мы пытаемся что-то объяснять «человеческой природой», за этими объяснениями часто не видно важного. Отказавшись от подобных «натуралистических» описаний, я смог вовлечь Линдона в исследование того, что отсутствовало, но подразумевалось, того невысказанного, которое позволило ему вообще проводить различия в своем опыте, того, что сделало для него возможным прийти к выводу о том, что чего-то в жизни у него отсутствовало, чего-то ему не хватало.

Я начал расспрашивать Линдона, что же могло сделать его более чувствительным к отвержению со стороны отца и отсутствию отца в его жизни. В течение некоторого времени наш разговор достаточно хаотично двигался по личной истории Линдона. Линдон вырос в небольшом городке, можно даже сказать, в поселке. Родители его были относительно бедными людьми, оба занимались ручной работой, которая занимала у них много времени. Линдон подолгу оставался один. Иногда он ходил рыбачить на водохранилище довольно далеко от дома. В этом рассказе о личной истории Линдона было несколько потенциальных точек входа в беседы, которые могли бы дать ответ на вопросы, которые я задавал. Из всех этих возможностей я выбрал рыбалку. Дети не рождаются рыбаками, и они не выдумывают рыбалку для себя. Это не является выражением «человеческой природы». Это нечто, что дети, причем мальчики чаще, чем девочки, узнают и так или иначе осваивают - через истории, от родителей, от других людей, которые их растят, от других детей и т.д. И я спросил: «А кто познакомил вас с рыбалкой?» Подумав об этом немного, Линдон рассказал, что в поселке был почтальон – пожилой, но очень энергичный человек, который очень любил рыбачить, и так получилось, что он передал свою любовь к рыбалке Линдону. Линдон вспомнил, что почтальон был молчаливым, прагматичным человеком, который «скажет, как отрежет» - грубо, честно, по-стариковски. Он даже не любил завиральные истории о рыбалке. Вначале Линдон немного его боялся. У Линдона всегда было впечатление, что, позволяя сопровождать себя на рыбалку, почтальон дает ему особые привилегии, что этим действием он Линдону вручает нечто драгоценное, что Линдон должен беречь и уважать.

Когда мы немного поразмыслили об этом, Линдон сказал: «Знаете, это, конечно, странно, но когда мы говорим об этом, я думаю, что это же было такое принятие и признание меня, и я, должно быть, понимал уже тогда хотя бы на каком-то уровне, что почтальон кого пошло с собой не возьмет рыбачить, но я теперь лучше это понимаю». Я спросил Линдона, каким образом это теперешнее более полное понимание этого имевшего место, но слабого понимания в прошлом влияет на него в нашем разговоре, как он это переживает непосредственно, сейчас? В ответ на этот вопрос Линдон очень расчувствовался и некоторое время не мог говорить. Мы сидели молча довольно долго, дольше 10 минут, я думаю, но в тот момент мы не следили за временем. У меня было такое чувство, что мы совместно пребывали в некоем лиминальном пространстве.

Когда Линдон начал говорить, он сказал мне, что почувствовал, как для него что-то сдвинулось. Он сказал, что ему было трудно найти слова, чтобы говорить об этом, но он знал, что это переживание отсутствия, о котором мы говорили в начале беседы, перестало быть таким интенсивным, как раньше. Я спросил: «Можно, я еще позадаю вопросы о вашем общении с почтальоном?» (который, кстати, вышел на пенсию и переехал в Сидней, когда Линдон был еще маленьким мальчиком...) Линдон сказал, что это вполне нормально, поэтому я начал задавать вопросы, которые я теперь называю «вопросами, направленными на восстановление участия» (White, 1997). Ранее я называл эти вопросы вопросами на выражение опыта/переживания (White, 1988).

- Как вы чувствуете, что подобный опыт включения вас в компанию принес в вашу жизнь?
- Как вы понимаете, что именно почтальон распознавал и признавал в вас?
- Как это ввело вас в контакт с тем, что вы могли бы научиться ценить о себе?
- Как вам кажется, знаете ли вы, почему почтальон таким образом включил вас в свою жизнь?
- Как вам кажется, что он увидел в вас, что могло быть не настолько видимым вашему отцу?

- Как вам кажется, как можно объяснить это включение вас в жизнь почтальона?
- Как вам кажется, что ваше присутствие могло привести в жизнь почтальона?
- Как вам кажется, что вы внесли в жизнь этого мужчины такого, что ваш отец упустил?
- Каким образом жизнь вашего отца могла бы быть иной, если бы он мог быть доступным для того, для чего был доступен почтальон?

Эти вопросы рассматривали вклад почтальона в жизнь Линдона путем его признания Линдона, а также вклад Линдона в жизнь почтальона. Эти вопросы также учитывали и способствовали признанию того, что всегда было присутствующим потенциалом для Линдона – какой вклад он мог бы внести в жизнь своего отца, если бы только его отец смог открыться своему сыну. В беседе, сложившейся под влиянием этих вопросов, было насыщенно описано то, что отсутствовало, но подразумевалось в том, как Линдон различал отвержение и отсутствие, - то есть те переживания жизни, которые можно понять в качестве примеров инклюзии, включения, признания, принятия.

Понимая, что я рискую повториться многократно, я еще раз подчеркну здесь, насколько в терапевтических беседах значимо отказываться от «натуралистических» описаний жизненных событий. Я повторяюсь еще раз, потому что эти рассказы, эти описания в современной психологии и популярной психологии жизни стали настолько само собой разумеющимися, что бывает трудно начать думать за их пределами. В то время как я убежден, что эти «натуралистические» описания могут завести нашу работу с людьми в тупик, отказ от этих описаний открывает возможности фактически для бесконечного числа возможных направлений того, что я иногда называю беседами пересочинения, восстановления авторской позиции. Например, если мы обычным образом постоянно используем «натуралистические» описания жизненных достижений и изменений, в ста процентах случаев оказывается невидимым вклад другого человека или иного опыта в условия, создающие возможности для развития в жизни человека. «Натуралистические» описания убивают любопытство по отношению к тому, каким образом все стало так, как оно стало.

Вместо того чтобы делать допущение, что общение Линдона с почтальоном было всего лишь свидетельством нужды Линдона и доброй воли почтальона, я поинтересовался тем, чему еще это могло бы быть свидетельством в терминах вклада *иного*. В этих обстоятельствах этим *иным* я полагал отца Линдона, и мне стало любопытно, что вообще могло быть отсутствующим, но подразумеваемым в этом развитии связи между Линдоном и почтальоном.

Это любопытство по отношению к отсутствующему, но подразумеваемому способствовало новым вопросам:

- Почему ваш отец не помешал вам общаться с почтальоном? Почему он не лишил вас этого? Отцы, мало общающиеся со своими сыновьями, иногда действуют с позиции праведного гнева, когда дело заходит об общении их сыновей с другими мужчинами. Они могут действовать исходя из самозащиты, из чувства контроля, исходя из того, что можно назвать ревностью. Как получилось, что ваш отец не настаивал на том, чтобы опосредовать ваше общение с внешним миром подобным образом?

Эти вопросы пробудили интерес Линдона, но так как они предлагали ему подумать за пределами привычных способов мышления о своей личной истории, готовых ответов у него не было. Сессия наша подходила к концу, так что я записал эти вопросы на бумажку, и Линдон взял их с собой, чтобы над ними подумать. Мы встретились с Линдоном две недели спустя. Что-то очень важное произошло в его жизни – я понял это сразу, как только увидел, как он сидит в приемной. Он рассказал мне, что вскоре после нашей первой встречи отправился навестить своего дядю Джеймса – самого младшего брата его отца, который был уже очень стар и болен и жил в доме престарелых. Линдон рискнул и рассказал дяде о той беседе, которая у нас с ним была. После этого он задал дяде вопрос: «Мой отец мог быть очень недоволен моим общением с почтальоном. Дядя, у тебя есть представление о том, почему отец не помешал этому?» Ничто не могло подготовить Линдона к ответу дяди Джеймса.

Дядя Джеймс рассказал, что иногда отец Линдона, сидя и выпивая вместе с братьями в местном пабе, говорил, что чувствует себя никуда не годным отцом. Отец Линдона рассказал Джеймсу, что не знает, как себя вести с Линдоном, он не раз говорил брату, что он «обидел мальчишку», но не знал, как это исправить. В присутствии своего сына он чувствовал себя совершенно потерянным, неловким, неумелым, нескладным. Он думал, что виновата в этом была война – Вторая мировая, она его вконец изломала, он даже и понять не может сам, насколько. В результате отец Линдона пришел к выводу, что ему лучше держаться подальше от своего сына, чтобы не причинить ему большего вреда – так для Линдона будет лучше. И хотя отец Линдона никогда не говорил об этом вслух, дядя Джеймс думал, что брат его втайне испытывает облегчение, зная, что Линдон общается с почтальоном.

Некоторые дары – дары трагические, но, тем не менее, это дары. То, что отец Линдона держался подальше от собственного сына и не мешал ему общаться с почтальоном... Линдон теперь воспринимал это как единственный дар, который его отец думал, что способен ему передать. После нашей второй встречи Линдон отправился в поселок своего детства и впервые за много лет посетил могилу отца. И на следующий день ANZAC - объединенной Австралийской и Новозеландской Армии (в этот день обычно ветераны Второй мировой войны, а также Вьетнамской войны проходят с демонстрацией по улицам столиц Австралии и Новой Зеландии), Линдон присоединился к параду. Для него идти вместе с ветеранами было очень глубоким, потрясающим эмоциональным переживанием, и в дальнейшем он описывал это как один из поворотных моментов своей жизни. В результате он в очень существенной степени освободился от чувства неадекватности, которое «доставало» его столько лет.

Позже в наших беседах у Линдона были возможности вновь пересмотреть свою личную историю так, что для него стало возможным пересмотреть отношения и с матерью. Это также привело к позитивным изменениям в его жизни, но это – совсем другая история.

За пределами выживания

Джейн пришла ко мне на консультацию по настоятельной просьбе двоюродной сестры, Сью. Сью работала медсестрой в психиатрической больнице, и испытала шок, обнаружив Джейн в приемном покое, куда ту доставили после попытки самоубийства, почти успешной. Сью и Джейн не видели друг друга три десятка лет. В детстве они виделись редко, но всегда получали от этого удовольствие. Они многое понимали одинаково, хотя практически никогда не говорили об этом.

За последующие годы Сью слышала разные обрывочки историй о том, какие неприятности происходят в жизни у Джейн, что у нее бывают длительные эпизоды депрессии, что она наносит себе порезы, что она совершает попытки самоубийства и часто попадает в больницу. Но Сью очень пугал жутковатый призрак, встающий за этими обрывками историй, и у нее у самой были сложные обстоятельства в жизни, требующие много внимания. Тем не менее, она испытывала угрызения совести из-за того, что ничем не помогает Джейн, и узнав в новой пациентке двоюродную сестру («это было душераздирающее зрелище!»), Сью немедленно решила, что возьмет на себя ответственность за обеспечение любой необходимой помощи.

Когда Сью ее узнала, Джейн стало страшно стыдно, она замкнулась в себе и некоторое время не разговаривала ни с кем, но Сью была очень настойчива в установлении контакта. Спустя несколько дней Джейн признала, что узнаёт Сью, и после этого начала участвовать в затеянных Сью разговорах-воспоминаниях о времени их детства; пару раз Джейн даже смеялась над тем, что рассказывала Сью.

Вскоре после этого Сью стала настаивать, чтобы Джейн встретила со мной. Джейн эта идея не особенно нравилась, и она попыталась сделать все возможное, чтобы разочаровать Сью и потушить ее энтузиазм, но Сью не сдавалась. В конце концов, Джейн согласилась прийти "заодно".

И вот они пришли. Джейн свернулась в позе эмбриона в кресле, сидела и молча раскачивалась взад-вперед. Сью рассказывала мне о том, что произошло, очень полно и выразительно сообщая мне о своих надеждах и ожиданиях от нашего разговора и о том, какое она испытывает беспокойство по поводу Джейн. Джейн попросила, чтобы Сью говорила за нее. Джейн хотела, чтобы я знал, что она относится к этой новой инициативе, т.е. к общению со мной, скептически. Джейн предсказывала, что из этого не выйдет ничего хорошего, что мы просто будем ворочать разные неприятные вещи, которые до нас уже много раз ворочали, и что в конце ей будет только хуже. Сью тоже была очень обеспокоена возможностью, что Джейн может стать хуже в результате нашей беседы, и она знала, что именно в таких обстоятельствах Джейн обычно и начинала наносить себе порезы.

В ответ на эти предсказания и обеспокоенность я сказал, что нам вовсе не обязательно что-то ворочать, и что я бы хотел, чтобы мы вместе поработали над тем, каким образом можно сообщить мне, как обстоят дела в этом разговоре для Джейн в любой момент этого разговора. Таким образом, если Джейн в какой-то момент начнет чувствовать себя хуже, у меня будет возможность взять ответственность за то, куда и как движется разговор, и задать какие-то вопросы, которые помогут нам вернуться на ту дистанцию, с которой мы сошли, и двигаться в предпочитаемом для Джейн направлении.

Сью после этого стала рассказывать мне о подробностях жизни Джейн, которые Джейн считала важным, чтобы я знал; в детстве и в подростковом возрасте Джейн подвергалась насилию со стороны отца и деда, и когда она пыталась рассказать об этом, никто ее не слушал и никто ей не верил. Она два или три раза попыталась в своей взрослой жизни создать близкие отношения, и в них она тоже подвергалась дисквалификации и жестокому обращению. У нее было несколько психиатрических диагнозов и много госпитализаций. Вскоре Джейн присоединилась к Сью в пересказывании истории своей жизни, и раскачиваться при этом она стала гораздо сильнее.

В этой беседе я осознал, что у Джейн было два понимания того, что ей довелось

пережить – было доминирующее понимание, что она «заслужила жестокое обращение». В рамках этого понимания она считала себя виновной в том насилии, которому подверглась. Но было также и второе, относительно слабое, понимание, присутствовавшее в ее выражении травмы, которое обеспечило контекст ее жизни в детстве и подростковом возрасте, и это понимание указывало на то, что сделанное с нею было неправильно. Именно это вторичное понимание особо привлекло мое внимание, и я расспросил Джейн о его истории, о том, как оно возникло и о чем оно говорит. После некоторого обсуждения Джейн и Сью заключили, что это понимание в какой-то степени сложилось под воздействием осознания природы несправедливости, но что это осознание было малозначимым по сравнению с ощущением личной виновности и стыда Джейн.

Мне было очень любопытно, что же отсутствовало, но подразумевалось в подобном различии несправедливости, поэтому я начал задавать вопросы:

- Хотя вы в большей степени обвиняете себя в том, что вам довелось пережить, и хотя вы верили, что заслужили это, насколько я понимаю, вы никогда полностью не теряли из вида то, что это все-таки было несправедливо. Можно, я задам вам несколько вопросов о том, как вы осознали, что это было несправедливо и о том, каким образом вам удалось придерживаться этого понимания, несмотря на все то, что его отрицало?

Джейн была не против подобного расспрашивания, и вскоре мы погрузились в беседу о том, что она готова была все эти годы отстаивать, и что она вообще делала, какие совершала поступки, отражавшие ее позицию по отношению к справедливости. Именно готовность постоять за справедливость была выявлена как отсутствующее, но подразумеваемое в различии несправедливости.

Разговор повернулся в сторону более полного прослеживания траектории отстаивания справедливости в истории жизни Джейн. В ответ на некоторые из последующих вопросов Джейн и Сью начали рассказывать о большом количестве появлений этой позиции, и связали ее не только с выживанием Джейн, но также с ее способностью воспринимать несправедливость, которой подвергаются другие люди, с ее чувством ярости в ответ на это и с ее желанием сделать что-то, что изменит мир к лучшему. В этой беседе были возможности вовлечься в переосмысление того, что другими понималось как пассивно-агрессивная позиция, или враждебно-зависимое поведение Джейн. Я открыто задал вопрос, каким образом можно было бы понять эти поступки в свете позиции Джейн по отношению к справедливости. В ответ на этот вопрос вначале Сью, а потом и Джейн начали интерпретировать эти поступки как своего рода саботаж или сопротивление, вдохновленное позицией Джейн по отношению к несправедливости. Это были акты саботажа или сопротивления в различных контекстах, где существовал значимый дисбаланс власти, и в которых открытое, прямое бросание вызова несправедливым, нечестным поступкам не осталось бы безнаказанным. В ходе нашей беседы позиция Джейн по отношению к справедливости была более насыщенно описана, и впервые эта позиция была признана ею как добровольно взятое на себя обязательство, как приверженность и страсть, а Сью назвала это, пожалуй, даже призванием. Когда наша беседа подошла к концу, я спросил у Джейн, как она себя чувствует. Она сказала, что, на удивление, не чувствует себя плохо, и ей хочется встретиться со мной и Сью еще раз.

В начале нашей следующей встречи мы поговорили о тех событиях личной истории Джейн, которые способствовали тому, что она высоко ценила справедливость. Эти обстоятельства обеспечили условия, чтобы она смогла распознать несправедливость.

Размышляя об этом, Джейн неожиданно осознала, что дело во многом было в Сью, что у них со Сью всегда было невысказанное понимание по поводу справедливости и несправедливости. Помимо этого, каждая из них признавала, что довелось пережить другой, и не одобряла то, чему другая подверглась. Они об этом никогда не говорили раньше напрямую, но это часто выражалось в их совместной игре. Сью подтвердила это, рассказав о подробностях этой игры, какие у них фигурировали темы. Это было потрясающим открытием и для Джейн, и для Сью. В дальнейшем исследовании истории их общей приверженности справедливости Сью также упомянула роман, который они с Джейн читали, когда были маленькими. Главная героиня этого романа очень четко осознавала, что справедливо, а что - несправедливо, и ее поступки были очень могущественным выражением этого осознания. Они решили купить эту книгу и вместе перечитать.

Я предложил Джейн и Сью организовать третью встречу в соответствии с церемонией признания самоопределения, чтобы участвовала также группа внешних свидетелей (White, 1999). Я описал эту возможность и ответил на вопросы Джейн и Сью об этом формате. Хотя изначально им это показалось несколько странным, и они чувствовали тревогу, все же они решили, что попробовать стоит. Прежде чем двигаться дальше, я предположил, что, возможно, будет хорошей идеей, если Сью и Джейн смогут поговорить с какими-то людьми, которые уже бывали в центре подобной церемонии. Я организовал это, и потом Сью перезвонила мне, чтобы подтвердить, что они хотят участвовать в такой церемонии. Группа внешних свидетелей, присутствовавших на этой третьей встрече, состояла из работников сферы здравоохранения, социального развития и консультирования, которые приехали в Далвич-центр, чтобы учиться на недельном интенсивном курсе по нарративной терапии. Во время первой части этой встречи Джейн и Сью рассказали о том, что они считали наиболее значимыми аспектами в истории жизни Джейн, особенно подчеркивая альтернативную версию идентичности Джейн, которая фигурировала в наших терапевтических беседах. Они рассказывали историю своей дружбы, о том, какие обстоятельства способствовали их умению различать несправедливость и о недавних достижениях в своей жизни и в их отношениях друг с другом. В ответ на это группа внешних свидетелей очень могущественным образом подтвердила подлинность множества заявлений об идентичности, выраженных Джейн и Сью. В дополнение к этому, выслушав историю, пара членов группы внешних свидетелей рассказали о каких-то новых соображениях и новых выводах и уроках, которые они могут вынести для себя в свою работу с людьми, пережившими травму, сходную с той, которую довелось пережить Джейн; они подтвердили, что то, что они услышали от Джейн, может открыть им новые возможности для работы с их подопечными. И Джейн воскликнула: "Я в первый раз в жизни слышу, что все, что мне довелось пережить, было все-таки не совсем зря." Одна из участниц группы внешних свидетелей не оставила эту тему просто так, и вместе с одной из своих клиенток написала Джейн письмо, описывая конкретные подробности, каким образом выражение опыта Джейн позитивно повлияло на ход их терапевтических бесед и действительно предоставило для человека, обратившегося к этой внешней свидетельнице на консультацию, новые возможности вырваться из-под влияния саморазрушающего поведения.

На нескольких последующих встречах, две из которых также были организованы в соответствии со структурой церемонии признания самоопределения, Джейн стала направлять свою жизнь по курсу, который гораздо более соответствовал тому, что она ценит в жизни, что является ее предпочитаемым смыслом жизни, и в этом жизненном направлении саморазрушающее поведение не фигурировало.

Заключение

Здесь я обсудил некоторые представления о том, что выражения жизни связаны с различием, зависящим от отсутствующего, но подразумеваемого, то есть от невысказанных знаков или описаний, обеспечивающих условия для возможности различия. И все же в конце этой статьи я остаюсь с ощущением, что в терминах этих практических приложений то, что я описал, - всего лишь малая часть возможностей, связанных с этим понятием. Я убежден, что возможности для терапевтических бесед, открывающиеся под воздействием этого понятия, безграничны. Представьте себе, например, более подробное расспрашивание о том, какие условия сделали возможным для матери и сестры Джули различить признание и приписать ему хотя бы какую-то ценность (об этом мы поговорили далее на встречах с Джули и ее сестрой), что сделало возможным для почтальона уметь различать совместность и приписывать этому значимость особой привилегии, и что помогло автору книги, которую читали Джейн и Сью, различать несправедливость.

Я ожидаю, что вы, читатель, теперь можете сами экспериментировать с терапевтическими беседами, складывающимися под влиянием представления о том, что выражение жизни людей связано с различием, опирающимся на отсутствующее, но подразумеваемое... а мне пора устраниваться.

Литература

- Bateson, G. (1980). *Mind and Nature: A necessary unity*. New York: Bantam Books.
- Derrida, J. (1978). *Writing and Difference*. Chicago: University of Chicago Press.
- White, M. (1988). 'The process of questioning: A therapy of literary merit.' *Dulwich Centre Newsletter*, Winter.
- White, M. (1997). *Narratives of Therapists' Lives*. Adelaide: Dulwich Centre Publications.
- White, M. (1999). 'Reflecting-team work as definitional ceremony revisited.' *Gecko*, Vol.2